от имени царицы Марфы[17] говорится, что царевич убит Борисом Годуновым. А еще через несколькой дней в Углич за его мощами были посланы богомольцы во главе с митрополитом Филаретом (28 июня они уже писали из Углича).[18] Очевидно, не раньше этого времени, т. е. в конце мая, и началось создание Повести. Ее сюжет в самом сжатом виде мы находим во второй «окружной» грамоте Василия Шуйского (черновик этой грамоты был составлен 4—5 июня 1606 г.[19]): «В прошлом в 99 году за грех всего православного крестьянства, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сын благоверный царевич князь Дмитрей Иванович по зависти Бориса Годунова яко агня незлобивое заклася, и святая его праведная и непорочная душа отъиде в вечное блаженство, в небесное царство, а тело его святое погребено на Углече и много исцеления подает всяким одержимым различною болезнью... а злодеем его и убийцом бог милосердый по своей святой воле, мстя неповинную кровь праведнаго, воздал месть по их делу, злой смерти предал, и для их злодейского умысла на Российское государство послал свой праведный гнев».[20]

Нельзя с уверенностью сказать, что эта грамота была написана раньше Повести; по-видимому, вторая «окружная» грамота и Повесть составлялись одновременно. О. А. Державина, прослеживая легенду о смерти царевича Димитрия, хронологически ставит Повесть перед грамотами Шуйского;[21] очевидно, это не относится к самым первым грамотам, в которых о смерти царевича вообще не говорится. Действительно, несмотря на большую идеологическую близость ко второй «окружной» грамоте Шуйского, в фактическом отношении Повесть следует за более ранними документами, в частности за первой «окружной» грамотой. Сопоставим Повесть с названными грамотами:

Повесть	I «окружная» грамота	II «окружная» грамота
Он, зломысленный, обещася королю отдати Руские области град Смоленеск и прочие Северныя страны грады все, даже до Можайска (л. 134).	Он, будучи в Литве, поступился королю Смоленска и Северския земли все, а тестю своему воеводе Сандамирскому и родству его многие городы.[22]	После смерти того вора взято в его хоромех лист, утверженной того вора ростриги Гришки с воеводою Сандомирским, что было ему отдавати воеводе Сандомирскому да его дочери и их роду Новгород и Псков... да сверх того письма хотел ему тот вор отдати Смоленск и Северу всю со всеми людьми, и казну многую польскому королю и ему, воеводе, обещался тот вор давати.[23]

Документы, найденные у Самозванца, появились только в приложениях ко второй «окружной» грамоте, в первой они лишь упоминаются. Эти документы в Повести не использованы. Автор, правда, знает понаслышке о письме Лжедимитрия к папе с просьбой разрешить ему женитьбу

[17] СГГД, ч. 2, № 146, стр. 110.
[18] ААЭ, т. 2, № 48.
[19] См.: А. Л. Станиславский. К истории второй «окружной» грамоты Шуйского. — Археографический ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 136.
[20] ААЭ, т. 2, № 48, стр. 110.
[21] См.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 15, М., 1957, стр. 81.
[22] ААЭ, т. 2, № 44, стр. 100.
[23] Там же, № 18, стр. 107—108.